

УДК 821.111

Н.В. КАЛИБЕРДА,
*преподаватель кафедры иностранных языков
для инженерно-технических и естественнонаучных специальностей
Днепропетровского национального университета имени Олеся Гончара*

ЖИЗНЬ В СВЕТЕ: ДАЛЬНЕЙШАЯ СУДЬБА ГЕРОИНИ СЭМЮЭЛА РИЧАРДСОНА

В статье освещаются особенности поэтики текстов, написанных Ричардсоном как продолжение романа «Памела, или Вознагражденная добродетель». Обозначены подходы к описанию сдвигов и расширению возможностей эпистолярной формы в третьем и четвертом томах книги о Памеле. Рассмотрены концепции характеров ведущих персонажей, приемы создания мира героев, а также механизм сюжетики. Внимание сосредоточено на способах развёртывания художественного пространства и времени в романах, символизации пространственных и временных маркеров. Актуализируются прежде лишь намеченные темы гендерных отношений в семье, регуляция нравов в провинции и столице, вопрос о судьбе женщины-матери, её правах, свободе, путях самореализации.

Ключевые слова: мир героев, сюжет, поэтика характеров, художественное время и пространство, гендер, женская тема, нравописание.

Спустя год после публикации «Памелы, или Вознагражденной добродетели» (1740), ставшей событием для читателей столицы, появляется роман-продолжение, рассказывающий о дальнейшем жизненном пути юной служанки, которая после венчания с молодым вельможей, состоятельным владельцем поместий, входит на правах хозяйки в его дом и отныне вынуждена в новой для себя роли великосветской дамы выстраивать отношения с окружающими, усвоить ценности и нормы прежде чуждого ей круга («...*all these things will be quite new...*») [1, p. 32]. Мир, открывающийся перед Памелой, широк, заполнен приятными хлопотами: она путешествует из поместья в поместье (Бэдфордшир, Линкольншир, Кент), из графства в графство («... *the greatest part of England...*») [1, p. 440], подолгу живёт в Лондоне («...*the vast metropolis...*») [1, p. 48], общается с людьми высокой культуры («...*a capacious and brilliant circle...*») [1, p. 135], занимается благотворительностью («...*acts of charity and benevolence...*») [1, p. 166], изучает языки, совершенствует образование («...*the pleasant employments of our time...*») [1, p. 209], выезжает за границу (Франция, Италия, Германия, Нидерланды, Голландия) («...*I have been a great traveller...*») [1, p. 447], посещает театры, маскарады («...*I can conceive a tolerable notion of every thing...*») [1, p. 235], искренне восхищается своим мужем («...*the best of husbands, the best of lords, the best of masters, the best of friends...*») [1, p. 229], становится другом его близким, и в то же время открывает для себя, что судьба женщины в браке отнюдь не безмятежна, сложна, подвержена испытаниям, а отношения любящих хрупки и, к сожалению, могут быть разрушены из-за предрассудков, несовершенных устоев, всевластия и безнаказанности сильного пола.

Значение первого романа Сэмюэла Ричардсона о Памеле для последующего развития литературы трудно переоценить. Успех книги был огромен. Ею зачитывались литераторы и общественные деятели, респектабельные буржуа и светские дамы, священники и простолюдины. Автор сумел показать, сколько поэзии и драматизма заключено в повседневных,

ничем, казалось бы, не примечательных событиях, сколько истинного благородства и глубины могут таить в себе переживания скромной служанки, дочери бедных, но благородных по духу людей.

Если книга, рассказывающая о зарождении любви между Памелой и сквайром, по словам Уильяма Уорнера, станет бестселлером, медийной сенсацией, вызывает споры, которые длятся по сей день, то жизнь Памелы в статусе светской дамы и её «вхождение» в мир большого света – история леди Памелы, «ангела в доме», окажется текстом, который прохладно встретят современники [2, р. 178]. Однако это не отвратит Ричардсона от сочинительства, он обретёт собственного читателя, отдающего дань автору и его героям, на что указывает Дж. Хелберт: «The biggest surprise may not be that Richardson's sequel was only moderately successful, but rather how well it was received by many of his correspondents» [3, р. 204]. Хотя, несомненно, Ричардсон реагирует на критические выпады в адрес главной героини, которая с течением времени окажется настолько знаменитой, что обретёт легендарную славу.

Известно, что Ричардсон комментировал свой первый роман, объясняя противоречивые стороны характеров героев, их поступки заинтересованным собеседникам и болезненно воспринимал, а, может быть, и по-своему оценил широту резонанса своей книги, отвечая на замечания пародистов, предложивших лондонцам продолжение романа, задетых темой женского права на счастье и самореализацию, открытой Ричардсоном. Литературный критик и поэт, близкая кругу Ричардсона Анна Летиция Барболд (Anna Laetitia Barbauld, 1743–1825), которой был передан архив переписки Ричардсона с читателями для редактирования после смерти его старшей дочери, по-своему истолковала мотивы появления текстов «Памелы-II»: «A great part of it aims to palliate, by counter criticism, the faults which had been found in the first part. It is less a continuation than the author's defence of himself» [4, р. 213].

Если, следуя преданию о Ричардсоне-писателе, появление «Памелы-I» было данью случая, то к созданию текста о социальном возвышении Памелы (так называемая «Памела-II»), по свидетельству самого художника, он отнёсся серьёзно. Решение поведать читателю о дальнейших трудностях героини в отношениях с легкомысленным мистером Б. приходят к Ричардсону в разгар развернувшейся вокруг его произведения-дебюта полемики. Ричардсон раздосадован непониманием своего замысла, вынужден отвечать на яркие экспромты собратьев по перу и более всего, на искажение образов героев в «романах-опровержениях» таких знаменитых современников, как «Шамела» («Shamela», 1741) Генри Филдинга, «Анти-Памела» («Anti-Pamela», 1741) Элизы Хэйвуд, «Поведение Памелы в высшем свете» («Pamela's Conduct in High Life», 1741) Джона Келли и др.¹

Поэтизируя у Ричардсона героиню и её историю, авторы-пародисты открыто не соглашались с концепцией образа Памелы, видели в ней притворщицу, обманом женившую на себе простака-сквайра (Филдинг), описывали похождения авантюристки, постоянно меняющей покровителей (Хэйвуд), либо, объявив все написанное о Памеле подлогом, предлагали лондонцам текст-разоблачение проделок интриганки, забавляющейся сменой масок на сцене театра жизни (Келли) [6; 7].

Третий и четвёртый том «Памелы» был присоединён Ричардсоном к двум ранним книгам и опубликован в декабре 1741 г. как единый романтический цикл. При жизни писателя с рассказом о дальнейшей судьбе леди Б. можно было познакомиться, прочитав произведение целиком, о чём упоминает Н. Симонова: «Richardson himself ... insisted that these third and fourth volumes were still "Pamela; or Virtue Rewarded", and not a separate work. He often refers to 'the 4 volumes of Pamela' ..., and in subsequent editions all four were reprinted together» [8, р. 170]. Ричардсону было необходимо подтвердить собственное авторство: это позволяло не только поведать читателю, что произойдет в будущем с любимым персонажем,

¹ Томас Кеймер и Питер Сэйбор утверждают, что в течение первых двух лет после издания романа Ричардсона о Памеле читатель познакомился с более чем десятью продолжениями. В последующие годы поток текстов о Памеле увеличивается. Количество книг, посвящённых Памеле Эндрюс, вырастает до двадцати. Пять изданий были анонимными: «Pamela Censured» (1741), «Memoirs of the Life of Lady H-, the Celebrated Pamela» (1741), «The Life of Pamela» (1741), «Pamela in High Life» (1741), «The Parallel: or, Pilkinton and Phillips Compared» (1748) [5, с. 2].

но также давало возможность противостоять тем сочинителям, которые не только высмеивали просчеты романиста, но и желали, используя чужой успех, разжиться прибылью.

Новые книги о жизни Памелы в браке, вероятно, намеренно не были озаглавлены Ричардсоном. Придуманый им заголовок «Памела, или Вознагражденная добродетель» распространили и на последующие книги романа. Утверждают, что издатели самовольно присоединили к третьему и четвертому тому название «Памела в её благородном положении» («*Pamela in her Exalted Condition*»), использовав фразу, оброненную Ричардсоном в предисловии².

Расширенная Ричардсоном история напоминала прежние книги, представляла как собрание писем героини родным, друзьям, мужу, а также была дополнена дневником, описывающим события, происходящие в семье, с тем чтобы поделиться новостями с леди Дэйверс (*lady Davers*), старшей сестрой её избранника и близкой подругой («...*let us hear of every thing that gives you joy or trouble*») [1, p. 32]. Объём писем, «сочинённых» Памелой и отправляемых своим адресатам, шире, чем в первой части. Кроме леди Дэйверс, которая получает основную часть всех посланий миссис Б. (34 письма), Памела переписывается с подругой из Линкольншира мисс Дарнфорд (14 писем), родителями (8 писем), мистером Б. (8 писем), а также объектом увлечения сквайра графиней Дауджер (1 письмо), бывшей возлюбленной своего супруга Салли Годфрей (*Sally Godfrey*), в замужестве миссис Райтсон (1 письмо). Читатель также становится свидетелем переписки между мистером Б. и мистером Дарнфордом (*Mr Darnford*), а также с графиней Дауджер (*countess Dowager*), леди Дэйверс с братом, мисс Дарнфорд (*miss Darnford*) с родителями. Общение Памелы с друзьями и близкими оказывается важной реалией её жизни, входит в привычку: «...*my dear friend permits me to rise an hour sooner than usual, that I may have time to scribble*») [1, p. 103]. Тексты сообщений, отправляемых ею каждый день, различаются по содержанию, серьёзности тем, степени доверия к собеседнику³.

Мир героев третьего и четвертого томов «Памелы» более широк, нежели в первых книгах романа. Он насчитывает более ста тридцати персонажей, но перепиской охвачены лишь близкие Памеле друзья. С одними из них переписка длится постоянно (леди Дэйверс, Полли Дарнфорд, родители, мистер Б.), а общение в письмах мистера Б. с сэром Дарнфордом, мисс Дарнфорд с родителями, мистера Б. с графиней со временем исчерпывает себя.

Послания Памелы разнятся по форме, иногда они напоминают поучительные размышления, другие – содержат пересказ событий, включают в себя пространственные комментарии бесед, важных эпизодов из её жизни. Памела – неопит нравов, царящих в высшем свете, и посещение театров, представлений в опере, приобщение к светским развлечениям для неё в новинку («*I am in a new world*») [1, p. 232]. Поэтому она в письмах размышляет об опыте, который приобрела, рассуждает о вкусах, царящих в столице, сообщает последние лондонские новости своим приятелям из провинции («...*I ...intend... only to give you a general idea of our way of life and conversation...*») [1, p. 209]. Склонность Памелы к владению словом найдёт свой выход в сочинительстве. Теперь уже Памела выступит в роли автора, напишет книгу сказок для детей («...*a little specimen of my nursery tales and stories...*») [1, p. 480], также возьмёт на себя смелость откомментировать подробно ведущим журна-

² В предисловии к третьему и четвертому тому романа Ричардсон от имени редактора заметит, что издатель («*the Editor*») надеется ... и льстит себе мыслью, что новые письма Памелы постигнет судьба, уготованная лишь некоторым литературным продолжениям, их воспримут так же благожелательно, как и первые книги, что будет соответствовать благородному положению, в котором так славно проявила себя Памела как жена, преданный друг, вежливая, добросердечная соседка, снисходительная мать и великодушная хозяйка дома [1, с. 8]. Ядро фразы «*the more exalted condition in which Pamela was destined to shine*» закрепили как название за появившимся в печати продолжением.

³ Любопытны также формы обращения к тем, кому она направляет свои послания. Иногда это официальные формулы общения («*Мадам*», «*Сэр*»), порою они смягчены в случае родства, и более тёплыми оказываются обращения к родителям, которых она именует «мои всегда почитаемые отец и мать» либо «мои дражайшие родители», мистера Б. Памела называет уважительно и эмоционально «возлюбленный моего сердца», «мой дорогой и неизменно почтенный мистер Б.», «мой любимый господин, друг, муж, моя первая, последняя и единственная любовь», к леди Дэйверс обращается «моя дражайшая леди», «моя добрая леди».

листким изданиям эпохи текущие события в жизни культуры Лондона («...a little book ... of my poor observations on all the dramatic entertainments...») [1, p. 277], а рассуждения героини о нравственности во время светских бесед перерастут в пространные пояснения к трактату Локка («...It is a book quite accommodated to my case, being written to a gentleman, the author's friend, for the regulation of his conduct towards his children») [1, p. 292].

Эмоциональная тональность писем Памелы по краскам и теплоте походит на её первое послание к родным из начальных книг истории. Она счастлива в браке, мир и покой царит в поместье, каждый, кто находится рядом с Памелой, радостно встречает новый день, несмотря на то, что события, с которыми сталкиваются персонажи, обыденны, наполнены заботами о близких, привычными встречами, рутинной работой, о чём говорит сама Памела в письме к мисс Дарнфорд, пересказывая похвалу леди Дэйверс, адресованную молодой хозяйке дома: «...She was pleased to tell me, how much she approved of the domestic management; ... she never saw such regularity and method in any family in her life, where was the like number of servants ...») [1, p. 138]. На первый взгляд, время в жизни Памелы течёт размеренно, происшествия, случающиеся изо дня в день, незначительны, но они важны, так как в них проявляется характер героини, который не разрушает её мораль. Движение сюжета поначалу неторопливо складывается из небольших эпизодов, заполняющих размеренное время Памелы.

Ричардсон тонко распределяет лирические оттенки в письмах Памелы, они оказываются тёплыми, радужными, источают благо, заботу. Не случайно продолжение «Памелы» начинается с описания образа дома, светлого, радующего глаз, который станет символом гармонии отношений и существования всех героев, обретших понимание, заботу друзей за его стенами («...the commodious dwelling ... for a few happy days ...») [1, p. 9]. И не столь значимо, что по желанию сквайра старинный фермерский дом в Кенте перейдёт во владение родителей Памелы с тем, чтобы смягчить тяготы их судьбы: помочь Джону и Элизабет Эндрюс в воспитании внуков-сирот рано ушедшего из жизни сына. Ричардсон внимательно относится к пространству, в котором протекает жизнь молодой семьи. Любопытно, что каждый из домов, который посещает семейная чета, также обновляется и меняется к лучшему, как и их владельцы. Живописный коттедж в Кенте, где находят кров родители Памелы, перестраивается сквайром, сохраняя милые пасторальные черты: по большому арочному окнам выются плющ, жасмин и виноградная лоза («...the woodbines, jessamines, and vines, that run up against them ...»), воздух наполнен ароматом цветов и пением соловья («...the sweet air and light...», «...the responsive songs of two warbling nightingales ...») [1, p. 9]. Внутренние покои дома в Кенте сквайр расширит, сделает их более просторными и сдержанными: «...My dear master ... still proposes to fit up the large parlour, and three apartments in the commodious dwelling ... with the plain simple elegance...») [1, p. 9]. В хозяйском доме в Бэдфордшире восстанавливают часовню («...the lesser hall, as we call it, a retired apartment, next the little garden; for we have no chapel with us here ...») [1, p. 147]. И теперь за Памелой закрепляют личное пространство. Как правило, это уютные комнаты, различные по размеру: в Кенте – небольшое прибежище («the little room ... for my use») [1, p. 10], а в Бэдфордшире – кабинет-библиотека, спальня и гардеробная, ранее принадлежавшая хозяйке Памелы («...my lady's dressing room and cabinet») [9, p. 488]. В Лондоне в новом доме к Памеле отходят лучшие апартаменты, обставленные мистером Б. элегантно и со вкусом («...I had my closet, or library, and my withdrawing room, all in complete order, which Mr. B. gave me possession of in the most obliging manner») [1, p. 232]. Памела ожидает младенца, поэтому в особняке приготовлена детская, которая в будущем станет убежищем молодой матери, когда отношения между Памелой и её мужем разладятся («My nursery and my reliance on God ... are all my consolation») [1, p. 299]. Каждый из особняков, принадлежащих мистеру Б., обязательно обрамлен ухоженной природной территорией, будь то сад, небольшой внутренний двор, либо прилегающий сквер («...a coppice ... or rather a little wood...» [1, p.47], «...the little garden...» [1, p. 147], «...a convenient house... has an airy opening to its back part, and its front to a square» [1, p.234].

Пространство определяет и темп фабульной динамики в романе. Если поначалу события, влияющие на отношения героев (забота о слугах, старом дворцеком, «замирение» с миссис Джукс, беспокойство о судьбе племянников брата, о внебрачной дочери мужа,

юной мисс Дарнфорд), оказываются необременительными, будничными, описываются эпизодически, то накануне отъезда в Лондон бег времени убыстряется, дни заполнены приездом гостей, устройством званых обедов, общением, проведением совместного досуга, который включает беседы на интересующие женщин и мужчин из круга Памелы темы – текущая политика, облик современного джентльмена, вопросы морали и благотворительности. Омрачающим счастье Памелы обстоятельством окажется знакомство с враждебно настроенным к ней родственником мужа, сэром Джэйкобом Суинфордом, но неприязнь со временем исчерпает себя.

Ричардсон внимателен к нравам провинциальных помещиков: Памела посещает церковь, учит французский язык, латынь, музицирует, немного шьёт, хотя мистер Б. советует ей оставить это занятие, так как она, несомненно, обладает даром сочинительства («*Your maids can do this, Pamela: but they cannot write as you can*») [1, p. 103]. Миссис Б. также старается принять участие в судьбах близких ей людей: благодаря Памеле отношения приятны между мистером Адамсом, священником, и её служанкой Полли, любимой подругой, мисс Дарнфорд, и сэром Уильямом, помещиком из Линкольншира, мистером Уильямсом и родственницей его уважаемого наставника, мистера Петерса, завершаются счастливым браком.

Памела не отказывает нуждающимся в помощи, возвращает долги несостоятельной семьи помещику, оплачивает визиты врача, обучение детей бедняков в школе, в минуту трудностей оказывает многим поддержку, просит родителей также совершать благотворительные поступки с тем, чтобы «отблагодарить» судьбу за случившееся счастье («...*you will be able...to do kinder things by any of our relations...*») [1, p. 22].

Календарная разметка времени в романе символична («...Richardson returns to a timeless world» [10, p. 10]. Радостные происшествия в жизни персонажей происходят весной и летом, а тяготы и трудности они переживают в осень и зиму. Сюжетный ритм в романе о леди Памеле убыстряется по мере переезда молодой семьи в Лондон, и теперь уже читатель не упрекнёт Ричардсона в бесцветности истории. Не только приближение того часа, когда Памела станет матерью, усложняет событийный бег рассказа, но и поведение мистера Б., о котором тревожится Памела. Она догадывается, что он увлечён и испытывает интерес к молодой графине Дауджер, вдове, с которой у него начинают складываться отношения, напоминающие любовную интригу.

Быт и семейный уклад Памелы и мистера Б. в столице разнится, дни быстро сменяют друг друга, посвящены визитам к знакомым, заполнены посещением театров, оперы, музеев, поездками, участием в карнавале. Сквайр занят, ретиво исполняет служебные обязанности, избран в парламент. Исполненье отчуждение между близкими ранее людьми нарастает. Памелу мучает ревность («*How strong, how prevalent is the passion of jealousy...*») [1, p. 315], она обеспокоена из-за предстоящего события – рождения ребёнка («...*I know not how it may please God Almighty to dispose of me on the approaching occasion ...*») [1, p. 280]. Ричардсона волнуют проблемы материнства, здоровья женщин, их духовные и физические страдания, беззащитность перед непрофессионализмом врачей, чёрствостью и равнодушием близких. Темы эти – пронзительные, важные и, к слову, во многом личные для писателя, который трагически теряет свою первую семью.

Отлучки мистера Б. из дома, его поездки за пределы Лондона становятся более длительными, однако гнетущую обстановку в семье рассеивает появление на свет младенца, сына Уильяма. Но из-за ревности сквайра к ребёнку напряжение усиливается, герои отдаляются друг от друга. Памела занята воспитанием сына, а её избранник всё чаще избегает её. Конфликт становится всё более запутанным, читателям не приходится скучать, скорее они возвращаются в атмосферу первого романа, следят за перипетиями любовных отношений мистера Б. И в тот момент, когда чувства напряжены, и герои не знают, как сложатся в дальнейшем их судьбы, происходит ещё более страшное событие – ребёнок и Памела заболевают оспой.

Пройдёт несколько недель, болезнь отступит, победит любовь. Недоверие, холодность, непонимание уйдут, сквайр вновь обратится к дневнику Памелы, осознаёт скрытый смысл её поступков. Занятые собственными хлопотами Памела и старший Уильям переживают и счастливые минуты: станут свидетелями появления нескольких любовных союзов. И

когда жизнь войдёт в привычную колею, Памела и сквайр станут походить на другие молодые аристократические пары своей эпохи. Они будут проводить жизнь в путешествиях, заниматься самообразованием, достойно воспитывать своих наследников, Памела и мистер Б. обретут желанное счастье, но, к сожалению, на их жизненном пути неизбежны и утраты: уходят близкие, друзья. Уважение к их семье растёт, к ним приходят мудрость, понимание друг друга, мужество, столь необходимые в жизни.

Список использованных источников

1. Richardson S. *Pamela; or Virtue Rewarded: Volume II* / S. Richardson. – Lexington: SMK Books, 2014. – 493 p.
2. Warner W. The «Pamela» Media Event / W. Warner // *Licensing Entertainment: The Elevation of Novel Reading in Britain, 1684–1750* / W. Warner. – Berkeley: University of California Press, 1998. – P. 176–230.
3. Hurlbert J. *Pamela: Or, Virtue Rewarded: The Texts, Paratexts, and Revisions that Redefine Samuel Richardson's Pamela* / J. Hurlbert: PhD Dissertation. – Marquette University, 2012. – 530 p.
4. Sabor P. «Labours of the Press»: The Response to Pamela / P. Sabor // *The Oxford Handbook of The Eighteenth-Century Novel* / [ed. by J.A.Downie]. – Oxford University Press, 2016. – P. 205–221.
5. Keymer T. *Pamela in the Marketplace: Literary Controversy and Print Culture in Eighteenth-Century Britain and Ireland* / T. Keymer, P. Sabor. – Cambridge: Cambridge University Press, 2005. – P. 50–83.
6. Haywood E. *Anti-Pamela. Fielding H. Shamela* / [ed. by C. Ingrassia]. – Toronto: Broadview Press Ltd., 2004. – 337 p.
7. Kelly J. *Pamela's Conduct in High Life* / J. Kelly. – Access mode: <https://archive.org/details/pamelasconducti00kellgoog>.
8. Simonova N. *Works of Another Hand: Authorship and English Prose Fiction Continuations, 1590 – 1755* / N. Simonova: PhD Dissertation. – University of Edinburgh. – 2013. – P. 161–174.
9. Richardson S. *Pamela; or Virtue Rewarded* / S. Richardson. – L.: Penguin Books, 1985. – 539 p.
10. Bullen J. *Time and Space in the Novels of Samuel Richardson* / J. S. Bullen // *Utah State University Press, Monograph Series*. – 1965. – Vol. XII. – No.2. – 53 p.
11. Doody M. *A Natural Passion. A Study of Novels of S. Richardson* / M. Doody. – Oxford: Oxford UP, 1974. – 410 p.
12. Schellenberg B. *Enclosing the Immovable: Structuring Social Authority in Pamela II* / Betty A. Schellenberg // *Passion and Virtue: Essays on the Novels of Samuel Richardson* / [ed. by D. Blewett]. – Toronto, Buffalo, London: University of Toronto Press, 2001. – P. 73–92.

References

1. Richardson, S. *Pamela; or Virtue Rewarded*, vol. II, SMK Books, Lexington, 2014, 493 p.
2. Warner, W. The “Pamela” Media Event. In: Warner, W., *Licensing Entertainment: The Elevation of Novel Reading in Britain, 1684-1750*. University of California Press, Berkeley, 1998, pp. 176-230.
3. Hurlbert, J. *Pamela: Or, Virtue Rewarded: The Texts, Paratexts, and Revisions that Redefine Samuel Richardson's “Pamela”*. Ph.D. Thesis, Marquette University, Milwaukee, 2012, 530 p.
4. Sabor, P. “Labours of the Press”: The Response to “Pamela”. In: Downie, J.A. (ed.). *The Oxford Handbook of The Eighteenth-Century Novel*. Oxford University Press, Oxford, 2016, pp. 205-221.
5. Keymer, T. *Pamela in the Marketplace: Literary Controversy and Print Culture in Eighteenth-Century Britain and Ireland*. Cambridge University Press, Cambridge, 2005, pp. 50-83.
6. Haywood, E., Ingrassia, C. (ed.) *Anti-Pamela, Fielding H., Shamela*. Broadview Press Ltd., Toronto, 2004, 337 p.

7. Kelly, J. Pamela's Conduct in High Life, 2010. Available at: <https://archive.org/details/pamelasconducti00kellgoog> (Accessed 31 May 2017).
8. Simonova, N. Works of Another Hand: Authorship and English Prose Fiction Continuations, 1590-1755. Ph.D. Thesis, University of Edinburgh, Edinburgh, 2013, pp. 161-174.
9. Richardson, S. Pamela; or Virtue Rewarded. Penguin Books, London, 1985, 539 p.
10. Bullen, J. Time and Space in the Novels of Samuel Richardson. Monograph Series, vol. XII, no. 2, Utah State University Press, Logan, 1965, 53 p.
11. Doody, M. A Natural Passion. A Study of Novels of S. Richardson. Oxford UP, Oxford, 1974, 410 p.
12. Schellenberg, B. "Enclosing the Immovable: Structuring Social Authority in Pamela II". In: Blewett, D. (ed.) Passion and Virtue: Essays on the Novels of Samuel Richardson. University of Toronto Press, Toronto, Buffalo, London, 2001, pp. 73-92.

У статті висвітлюються особливості поетики текстів, написаних Річардсоном як продовження роману «Памела, або Винагороджена добродійність». Окреслено підходи до опису зрушень і розширення можливостей епістолярної форми в третьому та четвертому томах книги про Памелу. Розглянуто концепції характерів провідних персонажів, прийоми створення світу героїв, а також механізм сюжеттики. Увагу зосереджено на способах розгортання художнього простору і часу в романах, символізації просторових і часових маркерів. Актуалізуються раніше лише окреслені теми гендерних відносин у родині, регуляція моралі в провінції і столиці, питання про долю жінки-матері, її права, свободи, шляхи самореалізації.

Ключові слова: світ героїв, сюжет, поетика характерів, художній час і простір, гендер, жіноча тема, опис звичаїв.

The article highlights the poetics of the texts written by Richardson as a continuation of the novel «Pamela, or Virtue Rewarded». It denotes the approaches to describing the shifts and the expansion of the possibilities of the epistolary form in the third and the fourth volumes of the book about Pamela. The concepts of the characters, the methods of creating the world of heroes, as well as the mechanism of the plot, are examined. Attention is focused on the ways of deploying of artistic space and time in the novels, the spatial and temporal markers as symbols. Previously slightly outlined themes of gender relations in the family, the regulation of manners in London and province, the issues of motherhood, woman's rights, freedom, and the possibility of self-realization are being actualized. It is argued that while Volume I allows for mobility within the social structure for Pamela as long as she is virtuous, Volume II is simply about redirecting that power back in the domestic sphere of a socially controlled male ordered society. The fact that the postmarital parts of «Pamela» deal seriously with a broad range of social issues, centered on the corruption and reform of the aristocracy and the tension between sexuality and social stability, is also stressed.

Key words: the world of heroes, a plot, poetics of characters, artistic time and space, gender, the theme of motherhood, the novel of manners.

Одержано 21.11.2016